

Цзи Цин, переступив порог Башни Подавления Демонов, бесшумным росчерком взмыл на второй ярус. Мелкая нечисть внизу не представляла для него угрозы, не способная поднять в этих стенах даже легкой ряби. Но стоило ему ступить на плиты второго этажа, как висевший на поясе Ключ от башни мелко задрожал. Тотчас перед ним возникло призрачное видение, явившее все, что происходило внизу.

На призрачном экране до боли знакомый лисий демон боязливо озирался, осторожно просунув мордочку внутрь, а затем, забавно перебирая короткими лапами, полез на каменный алтарь первого яруса. Цзи Цин едва заметно поморщился. Запечатав проход на второй этаж, он круто развернулся и устремился к верхним ярусам.

Внутри башни царила гулкая пустота. Переступив порог, Ху Цзюмин оказался в окружении глухих каменных стен, испещренных древними санскритскими письменами. Ни единого окна — лишь тусклые бронзовые лампы, испускавшие вечный, немигающий свет, разгоняли вековой мрак. Оглядевшись, лис сразу заметил высившийся в самом центре огромный каменный алтарь.

Алтарь был высечен из неведомого нефрита. Стоило Ху Цзюмину ступить на холодные ступени, как по телу разлилась прохлада, смывая суетные мысли и желания. На душе сделалось на редкость легко и спокойно. Однако этот покой нарушал витавший в воздухе странный аромат: тяжелый дух демонической ци смешивался здесь с едва уловимым благоуханием сандала.

Поднявшись на самый верх, Ху Цзюмин осмотрелся. Зеркально гладкий нефрит алтаря ломился от священной утвари. Большую ее часть составляли медные изваяния архатов, застывших в медитации на лotosовых престолах. Каждая фигура замерла в своей, особой позе, а сами фигуры словно беззвучно шептали священные тексты. Лис скользнул мимо них, пробираясь к центру святилища, где покоился огромный бассейн. Вода в нем, кристально чистая и прозрачная, спала мертвым сном — ни единой ряби, ни всплеска. Но как Ху Цзюмин ни вглядывался, разглядеть дно ему не удалось.

Подавшись вперед, Ху Цзюмин склонился над самой купелью, интуитивно чувствуя, что в глубине кто-то таится. Вдруг зеркальная гладь разорвалась: из глубин взметнулась багровая когтистая лапа. Точнее, это был жуткий обрубок, где сквозь ошметки гниющей плоти белели голые пожелтевшие кости, оканчивавшиеся бритвенно-острыми когтями.

Едва жуткая конечность показалась на воздухе, как от нее повалил едкий белый пар, сопровождаемый истошным, нечеловеческим воем боли — святая вода выжигала скверну. И все же, невзирая на муку, тварь яростно вцепилась в Ху Цзюмина. Когти глубоко вонзились в плоть, и лапа с невероятной силой потащила лиса в пучину.

Принять человеческий облик Ху Цзюмин уже не успевал. Извиваясь, он хлестнул гибкой плетью, обмотав ее вокруг ближайшего медного изваяния, чтобы хоть как-то удержаться на краю. Однако сила неведомого чудовища оказалась колоссальной. Рывок — и тяжелая статуя с грохотом сорвалась с лotosового трона, увлекая за собой и лиса, и обвившую ее плеть прямо в воду.

Когти безжалостно рвали плоть Ху Цзюмина. Алая кровь хлынула из ран, окрашивая прозрачную гладь бассейна и нарушая его вековой покой. Окровавленные лапы не просто держали жертву — они жадно высасывали из нее жизненную силу. Ошметки плоти на костях чудовища зашевелились, прямо на глазах обрастая свежим, сочащимся мясом.

Гулкий шум борьбы на первом ярусе мгновенно донесся до слуха Цзи Цина. К тому моменту он уже успел подняться под самый купол башни, где томились древнейшие, свирепые демоны. Чтобы вырваться из их когтей, даосу пришлось изрядно постараться.

Когда Цзи Цин вихрем спустился вниз, на алтаре уже никого не было. Лишь медное изваяние, намертво захлестнутое серебряной плетью, скрежетало по нефриту, неумолимо сползая в воду. Он мгновенно оказался у края бассейна. В его руке вспыхнул длинный меч. Перепрыгнув через медного истукана, он нанес рубящий удар прямо по водной глади. Но едва яростная волна ци коснулась воды, как клинок словно налился свинцом — тяжелые воды купели поглотили силу удара, неумолимо утягивая оружие на дно.

Цзи Цин помнил слова верховного бессмертного Чжун Куя: все пленники этой башни скованы силой Подавляющего пруда. Вода в нем была необычайной — очищенная и переплавленная святая вода из самого Нефритового пруда Богини-матери. Но даос и представить не мог, что она подобна легендарным водам реки Жошуй, в которых тонет даже птичье перо.

Пока он пытался совладать с притяжением бездны, медный истукан, подтянутый натянутой плетью, с ускорением скользнул по платформе и тяжело рухнул Цзи Цину в спину. Не ожидавшего удара даоса выбило из равновесия, на губах выступила кровь, и он вместе с медной громадой рухнул в купель.

Вода сомкнулась над головой. Цзи Цин почувствовал, как неведомая, неодолимая сила увлекает его на самое дно. Сопrotивляться было бесполезно — пучина сковала движения, лишив возможности сделать хотя бы гребок. Оставив бесплодные попытки, даос уперся ногами в погружающуюся статую и устремил взор вглубь. Там, у самого конца натянутой плети, стремительно шел ко дну белый лис. Жуткие костистые лапы намертво сжимали его тельце, высасывая кровь, которая тут же растворялась в мертвенной белизне чудовища.

Цзи Цин резко перехватил серебряную плеть и, рванув ее на себя, в считанные мгновения оказался возле Ху Цзюмина. Его меч к этому времени утратил прежний облик, вернувшись к истинной форме — тонкому прозрачному кристаллу, вставленному в лазурную рукоять и излучающему мягкое сияние. Без колебаний даос нанес стремительный удар по багровой лапе. Тварь, напоследок жадно глотнув крови, с шипением разжала когти и убралась на глубину.

Прижав к себе обмякшего, обессиленного лиса, Цзи Цин взгляделся в бездну. Несмотря на кристальную чистоту воды, дно по-прежнему тонуло в непроглядном мраке. Ху Цзюмин, сжавшись в комок на груди даоса, затаил дыхание. Он понимал, что сам виноват в случившемся, но никак не ожидал, что этот вечно холодный и суровый заклинатель придет ему на выручку.

Приглушенный, глухой стук возвестил о том, что медная статуя под его ногами достигла дна. Вокруг царил могильный полумрак. Цзи Цин остро ощущал нечисть, притаившуюся поблизости, но не спешил нападать первым. Он знал: рано или поздно у кого-то из них сдадут нервы.

Долго ждать не пришлось. Вскоре в воде разлился удушливый запах крови — тварь стремительно шла на сближение. Нападавший демон явно отличался умом: он зашел со спины, прощупывая почву. Не оборачиваясь, Цзи Цин едва заметно уклонился, и легкое движение руки мгновенно развеяло противника без следа.

Ху Цзюмин холодно наблюдал, как дерзнувшая покуситься на них нечисть обращается в ничто, но вдруг насторожился. Он почуял, что к ним приближается нечто поистине жуткое.

Из беспросветной тьмы выметнулось гигантское щупальце и, мертвой хваткой обвив пояс даоса, поволокло его в сторону. Цзи Цин свободной рукой сложил священную печать и прижал пальцы к лезвию. Кристальный клинок стал абсолютно прозрачным, а исходящая от него аура налилась грозной силой. Резким взмахом он обрушил меч на удерживающее его щупальце, но вместо мягкого разрубания раздался оглушительный металлический звон.

Щупальце осталось абсолютно невредимым. С неослабевающей силой оно тащило Цзи Цина в неведомом направлении. Все призраки и демоны, обитавшие на дне купели, завидев эту плоть, в ужасе бросались врассыпную, словно встретили своего злейшего врага.

Внезапно впереди, сквозь густую толщу озерного мрака, пробился тусклый свет. Там, у самого дна, неистово извивались сотни таких же щупалец. Время от времени они хватили проплывавших мимо демонов и затягивали их в светящуюся брешь. Сама расщелина была неровной, испещренной глубокими трещинами, словно нечто колоссальное пробило запечатывающий барьер Подавляющего пруда и теперь вырывалось на волю.

Цзи Цин поморщился от напряжения. Он спешно выхватил из-за пазухи талисман — дар верховного бессмертного Чжун Куя, преподнесенный в день, когда он обрел статус полубессмертного. Старший напутствовал, что этот артефакт спасет его в самый отчаянный миг. Однако задействовать его даос не успел: из темноты хлынули новые отростки. Они намертво сплели его и увлекли в сияющую трещину.

В лицо ударил мощный, всесокрушающий поток первородной энергии. Стоило Цзи Цину пересечь границу разорванного барьера, как сковывавшие его путы мгновенно истаяли. Белые одежды даоса колыхались на ветру; зависнув в воздухе, он огляделся. Это место не имело ничего общего с холодными глубинами купели — они провалились в совершенно иной мир.

Кругом бушевало яростное пламя. Внизу бурлили реки багровой магмы, источающие волны нестерпимого жара, от которого воздух плавился и исходил удушливой черной гарью. Но не это заставило даоса напрячься. Он устремил взгляд ввысь, туда, где в багровом небе плавно кружило нечто огромное.

В кроваво-красных облаках вилась исполинская золотая тень. Пусть ее очертания двоились и расплывались, Цзи Цин сразу понял, с кем имеет дело. Он не сделал ни шагу, но его голос прозвучал отчетливо и громко:

— Сущность истинного дракона.

Тень в небесах всколыхнулась. Золотой силуэт стал плотным, обретая зримые черты: сверкнула тяжелая чешуя, проступили могучие витые рога. Величавый змей замер, покачивая длинными усами, и глухо выдохнул:

— А ты глазаст. Оставь лиса, что держишь на груди, и я пощажу тебя.

Цзи Цин бесстрастно посмотрел на дракона. Он уловил хищный, лихорадочный блеск в глазах чудовища, но остался внешне спокоен:

— Ты лишь блеклый осколок души древнего божества. Думаешь, я испугаюсь тебя?

С этими словами он вновь вскинул сияющий меч.

— Ну надо же! — громовой хохот сотряс багровые небеса, когда змей ринулся вниз. — Этот принц как раз искал достойный сосуд. Твое тело вполне сгодится!

Сила древнего дракона оказалась непостижимой. Первым же ударом хвоста Цзи Цина отбросило назад, его белые одежды разорвало в клочья. В полете он успел швырнуть белого лиса в сторону. Перехватив уцелевшую рукоять, даос вновь ринулся на врага. Но силы были неравны. Очередной яростный выпад — и кристальный клинок, жалобно звякнув, разлетелся на тысячи сверкающих осколков.

С губ даоса сорвалась струйка крови. Цзи Цин бросил быстрый взгляд на застывшего поодаль белого лиса и одними губами произнес:

— Беги.

В следующее мгновение невидимые путы сковали его движения. Драконья душа коршуном рухнула сверху и сквозь макушку ворвалась в его тело. Цзи Цин мертвенно побледнел. Пальцы разжались, и лазурная рукоять меча выскользнула из его безвольной хватки, бесследно растворившись в воздухе.

Свирепая, чуждая воля ураганом ворвалась в разум, безжалостно ломая ментальные барьеры. Схватившись за голову, Цзи Цин рухнул на колени. Из груди вырвался хриплый, полный нечеловеческой муки стон. Черные волосы стремительно наливались золотом, а в глазах угасал разум, уступая место леденящей душу жажде крови и безумному восторгу.

Взглянув на застывшего поодаль лиса, он почувствовал, как внутри просыпается темный, первобытный голод. Возникло непреодолимое желание сожрать его, поглотить без остатка... или сотворить с ним нечто куда более страшное. Сама эта мысль заставила Цзи Цина содрогнуться от ужаса. Вместе с яростной душой дракона в его разум хлынули чужие, дремавшие доселе воспоминания, затапливая несовершенные человеческие эмоции лавиной неведомых, пугающих чувств.

Ху Цзюмин, видя, как стремительно меняется ситуация, мгновенно принял человеческий облик и бросился к даосу. Однако тот с силой оттолкнул его. На благородном лице Цзи Цина уже проступали тонкие золотистые чешуйки, а его взгляд полыхал неестественным янтарным пламенем. Собрав воедино последние крупницы угасающей воли, он яростно выдохнул:

— Прочь!

<http://bllate.org/book/20393/2131873>